

Перевод: Larsa

Редактор: Naides

Однако, как говорится, мухи всегда найдут треснувшие яйца. Причина, по которой брат императрицы Шень стал мишенью, заключалась в том, что он действительно потерпел неудачу в управлении своей семьёй. Его противники, возможно, приукрасили эти истории, но некоторые из этих обвинения на самом деле были правдой. Гунсунь Байши ненароком проговорился, что семья Цзоу даже хотела взять на себя закупку провианта для армии. Это действительно было возмутительно. После того, как он выразил всё своё презрение к семье Шень, он высоко оценил Минлань за то, что она хорошо управляла семьёй и слугами. Кроме того, у Гу Тинье была репутация человека, у которого были плохие отношения со своим кланом. В результате люди из семьи Гу не получили никаких обвинений.

Господин Гунсунь был строгим и гордым мужчиной в годах, который редко кому-либо пел дифирамбы. Минлань была вне себя от радости, услышав от него комплименты. В мгновение ока она обнаружила, что этот пожилой морщинистый мужчина стал выглядеть гораздо более приятным для глаз. После небольшой беседы Минлань отдала господину Гунсуню половину свежих крепких грецких орехов, которые ей подарила младшая Шень Ши, а также прозрачную ганодерму, которую она достала из кладовой, чтобы предотвратить обострение проблемы выпадения волос у этого старика.

После этого Минлань вернулась в свою комнату в отличном настроении. В весенний день свисающие виноградные лозы пахли свежо и сладко, как трава. Когда Минлань собиралась сорвать бутон цветка, Сяотао, которая была рядом с ней, уже сорвала целую гроздь. Госпожа и служанка посмотрели друг на друга и улыбнулись. Прямо в этот момент Люйчжи подошла с другой стороны с каплями пота на лбу, но выражение её лица показывало, насколько она удивлена и счастлива. После того, как она широкими шагами приблизилась к Минлань, она мягко сказала:

— Госпожа, у нас кое-что есть на эту сучку.

Минлань подняла брови:

— Что произошло?

Увидев, что там была только Сяотао, Люйчжи тихо сказала:

— Она вышла из комнаты, когда на печи всё ещё разогревалась ваша белоснежная кубилоза.

Минлань закрыла глаза и вздохнула:

— Хорошо, пойдём туда.

Радостное настроение Люйчжи было очень заметно. Тем не менее, она колебалась:

— Тогда... что на счёт госпожи Ван?.. — она подумала о Ван Ши.

Прежде чем Минлань что-либо ответила, Сяотао мягко сказала:

— Мы уже предупреждали эту девушку, и госпожа уже напоминала ей. Поскольку она просто не хочет меняться, что ещё мы можем сделать? Это не наше дело, если госпожа Ван разозлится. Сейчас мы служим не ей.

С огоньком, вспыхнувшим в глазах, Люйчжи яростно кивнула. У Люйчжи уже давно были проблемы с Цайхуань. Она задала этот вопрос специально, чтобы показать, что она добросердечная девушка, на случай, если Минлань назовёт её недостаточно доброй. Люйчжи, Сяотао и другие служанки выросли вместе, поэтому им было трудно относиться к любой новенькой, как к одной из них, не говоря уже о том, что Цайхуань была кокеткой, которую можно было считать типичной плохой женщиной, о которой упоминала старшая служанка Фан во время их обучения. Так что у этих девушек было физиологическое неприятие Цайхуань.

Минлань вздохнула. Она посмотрела на свой раздутый живот и нежно его погладила. Если бы это касалось только её, она могла бы потерпеть. Однако Минлань должна была сделать это ради своего ребёнка. Она не могла рисковать своим ребёнком и позволить угрозе остаться рядом с ней.

После того, как Минлань вернулась в свою комнату, Сяотао сначала помогла ей переодеться в пару мягких тапочек. Затем Минлань облокотилась на кровать. Только тогда Даньдзю ввела кого-то внутрь. На этот раз Даньдзю не показывала ни малейшего колебания и уверенно вышла вперёд, за ней последовали Цайхуань и Сяю, которые выглядели очень расстроенными. Как только Цайхуань увидела Минлань, она сразу же опустилась на колени:

— Госпожа, я знаю, что поступила неправильно. Пожалуйста, простите меня на этот раз, — говоря это, она продолжала кланяться и выгораживать себя. — Мы хорошо охраняли печь, но кто-то пришёл, чтобы найти меня. В это время Сяю понадобилось в туалет... Я отошла совсем ненадолго... Госпожа, пожалуйста, простите меня...

Сяю, также напуганная, непрерывно кланялась Минлань. Минлань сидела тихо, опустив глаза на зелёную фарфоровую чашу в форме руки Будды с двойной рыбьей нитью, затем перевела взгляд на стол из чёрного дерева, инкрустированный серебром, в потом повернулась к Цайхуань. Минлань было немного жаль девушку, потому что на этот раз она сама её подставила. Наказать служанку было нетрудно, если у госпожи было такое намерение. Пока Минлань могла поймать Цайхуань на какой-либо ошибке, она тут же могла бы с ней разобраться.

Цайхуань уже затаила обиду на Минлань и совершила ошибку, связавшись с людьми за пределами поместья Чен. Таким образом, любой, у кого были злые намерения, мог бы воспользоваться ей. Сейчас, когда Минлань была беременна, она должна была быть предельно осторожна. Поэтому она больше не могла держать в своей семье Цайхуань, вероломную и злонамеренную служанку.

— Кто пришёл, чтобы найти тебя? — голос Минлань казался неземным.

Цайхуань вытерла пот с лица и запнулась, не зная, что сказать. Даньдзю фыркнула и ответила за Цайхуань:

— Это служанка, которая всегда следует за старшей служанкой Сян, её зовут Линлун или что-то в этом роде.

Минлань усмехнулась. Цайхуань усердно кланялась и продолжала повторять:

— Госпожа, это моя вина. Я знаю, что была неправа...

— Я слышала, что когда вы беседовали с ней наедине, ты всегда жаловалась, что я никогда не позволяла тебе прислуживать мне в моей комнате и что я часто держалась от тебя на расстоянии и игнорировала тебя, — Минлань медленно произнесла эти слова. Услышав это, Цайхуань, сузив зрачки, уставилась на Люйчжи и Даньдзю. Сяотао, которая это увидела, честно сказала второпях:

— Я рассказала об этом госпоже, — Цайхуань сердито повернулась к Сяотао.

— Госпожа, я знаю, что меня следует отругать за такие мысли, — зная, что просить прощения бесполезно, Цайхуань начала объяснять. — Однако раньше я служила госпоже Ван. В то время я приняла решение быть верной госпоже Ван и хорошо служить вам. Я никогда не думала, что... — она вытерла слёзы. — Госпожа никогда по-настоящему мне не доверяла. Вот почему я сказала эти слова...

Минлань медленно встала, а затем наклонилась, чтобы посмотреть прямо в глаза Цайхуань, произнося слово за словом:

— Ты умный человек. Прошёл год с тех пор, как ты прибыла в поместье Гу. Ты действительно не знаешь ситуацию в нашей семье? — Цайхуань сразу перестала плакать и ошеломлённо смотрела на Минлань. Минлань приподняла уголок рта. — Ты заявила, что хочешь хорошо мне служить для госпожи Ван. Однако неужели ты понятия не имеешь, чего я боюсь больше всего?

Лицо Цайхуань постепенно побледнело. Помимо горничных первого ранга, другие девушки во дворе также оставались сверхосторожными и редко контактировали с людьми за пределами поместья. Каждый раз, когда кто-нибудь из дома пожилой госпожи Цинь приходил поболтать,

эти девушки разбегались.

— Я не хочу, чтобы люди со стороны знали, что происходит в этом поместье. Однако за множество этих дней ты точно знаешь, о скольких вещах ты успела рассказать, — Минлань говорила медленно. — Дело не в том, что ты не знала, насколько серьёзными будут последствия. Просто у тебя есть своя собственная цель.

Цайхуань никогда не воспринимала себя как молодую госпожу, поэтому она пыталась найти поддержку и помощников, чтобы получить шанс стать наложницей.

Губы Цайхуань дрожали, она не могла произнести ни единого слова. Она вдруг вспомнила предупреждение Жуомей. «Возможно ли... что госпожа собирается разобраться со мной?!» — подумав об этом, она сразу же пришла в ужас и двинулась вперёд, чтобы потянуть за подол платья Минлань, умоляя громким голосом:

— Госпожа, я знаю, что неправа. Если бы вы сказали мне эти слова раньше, я бы никогда не осмелилась это сделать!

Минлань покачала головой:

— Ты перепутала порядок. Ты не должна быть мне верна после того, как я тебе доверюсь. Сначала ты должна была завоевать всеобщее доверие, и тогда я бы стала считать тебя одной из нас.

Цайхуань была очень взволнованна. Из-за слёз её макияж был испорчен, и теперь она выглядела просто ужасно.

— Но, но...

— Но ты не можешь ждать, — Минлань закончила слова Цайхуань. — Ты уже не молода и даже на год старше Даньдзю, — Цайхуань боялась, что Минлань выдаст её замуж за случайного парня, прежде чем она станет наложницей Гу Тинье. — Должно быть, это было тяжело для тебя.